

УДК 070(091):821.161.1.09"18"
ББК 76.023 + 83.3(2=411.2)52-8

РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАННОГО ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО В ЖУРНАЛЕ «ДЕЛО»

(Статья первая)

Олеся Александровна Козлова

Доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru, olesya-kozlova@mail.ru
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

Виктор Иванович Виньков

Старший преподаватель кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru, media@volsu.ru
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

Аннотация. В статье анализируется оценка романного творчества Л.Н. Толстого журналом «Дело». Литературно-эстетическая позиция издания была детерминирована, с одной стороны, редакционными взглядами на цели и задачи литературы в современном культурном контексте, с другой, – конкретной, весьма динамичной, общественно-политической ситуацией в России, вносящей коррективы в оценку произведений писателя. В фокусе внимания критиков и публицистов журнала оказывались общечеловеческие и общекультурные ценности, проводимые в романах Толстого, его философские рефлексии.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, журнал «Дело», публицистика, литературная критика, тенденциозность литературы.

© Козлова О.А., Виньков В.И., 2017

Литературно-эстетическая позиция журнала «Дело», концептуальный подход к анализу литературных явлений были четко сформулированы в статьях ведущих сотрудников журнала в первые годы его существования. Во многом показательны статьи Д.И. Писарева – «Образованная толпа» (1867, № 3), «Будничные стороны жизни» (1867, № 5). Критик говорит о необходимости направить все усилия современной литературы на пробуждение сознания, цели и смысла жизни в людях, большая часть которых «спит непробудным умственным сном», «прозябает со дня

на день без всяких идеалов» (Дело. 1867. № 3. 2-я паг. С. 7–8). Литературные произведения Писарев оценивает с точки зрения общественной полезности проводимых в них идей. Даже самый талантливый писатель, по мнению публициста, может нанести обществу непоправимый вред, неверно истолковывая факты жизни (Дело. 1867. № 5. 2-я паг. С. 1).

Литературно-критические положения Писарева нашли развитие в публикациях других сотрудников благосветловского издания. Н. В. Шелгунов в целом ряде статей – «Русский индивидуализм» (1868. № 7), «Новый от-

вет на старый вопрос» (1868. № 8), «Двоедушные эстетического консерватизма» (1870. № 10), – настойчиво доказывал, что «молодое поколение не создало ни одного поэта и романиста, потому что они ему просто не нужны» (Дело. 1868. № 7. Отд. 1. С. 2). Именно этим критик объяснял «узость и убогость» современной литературы, отсутствие в ней ярких художественных талантов. Для сотрудника «Дела» очевидно, что искусство как образное воспроизведение действительности отступает на второй план перед задачами нового времени. «Перелом, совершающийся в русской жизни, – пишет он, – есть перелом экономический, следовательно, нам нужны и писатели экономические! <...> Писатели, способные понять и объяснить нам социальный быт и указать средства, которыми Россия может быть поставлена в возможно выгодное положение экономическое и интеллектуальное» (Там же. С. 4–5). Только в этом случае писатели, публицисты станут «философами нового времени, той двигающей силой, на которую с упованием смотрят люди, жаждущие дела» (Дело. 1870. № 10. 2-я паг. С. 54).

Социально-экономический уклон, свойственный литературной политике «Дела», отразился и на подходе сотрудников редакции к решению вопроса о народности литературы. Произведение считалось народным, если писатель обозначил в нем какую-либо «полезную» социально-политическую идею. При этом абсолютно неважно, кого автор выбрал в качестве объекта изображения.

О достаточно спорной трактовке журналом самого понятия «народность» писал и В.Б. Смирнов. Исследователь обращал внимание на то, что даже Некрасову редакция отказала в праве называться народным поэтом, объясняя это сосредоточенностью его поэзии на «мрачных сторонах жизни» [5, с. 125].

Основную задачу текущего исторического момента публицисты и критики «Дела» видели в сближении с народом. Инициатором этого сближения должно выступить «образованное меньшинство», поскольку «невежественная толпа – груба, дика, жестока», – писал П.Н. Ткачев в «Разбитых иллюзиях» (Дело. 1868. № 12. 2-я паг. С. 59).

Об общественном долге интеллигенции говорил и В.В. Берви-Флеровский в статье

«Изящный романист и его изящные критики»: «Человек, серьезно понимающий свои нравственные обязанности в цивилизованном обществе, характеризуется, прежде всего, своей любовью к ближнему, стремлением поднять его нравственно и материально» (Дело. 1868. № 6. 2-я паг. С. 17).

Качественное обновление литературы сотрудники «Дела» связывали с беллетристами-разночинцами. Только с их приходом, по общему убеждению редакции, искусство начнет служить прогрессу и просвещению. При этом в журнале полностью отрицали значение художественных открытий и мировоззренческих концепций литераторов эстетической школы 40-х годов. В условиях «перелома в общественной жизни» Гончаров, Тургенев, Л. Толстой «продемонстрировали свою несостоятельность, полное бессилие мысли, нежелание и невозможность понять новую жизнь и новых людей» (Дело. 1868. № 7. Отд. 1. С. 163). Подобная позиция возникла не из простого отрицания по сословному признаку. Определяющее значение имела смена социальных ориентиров. Для «Дела» были весьма характерны следующие оценки: «Ожидать чего-нибудь, хоть мало-мальски осмысленного и сносно от беллетристов прошлого – значило бы сеять на голом камне и надеяться на обильный урожай» (Дело. 1868. № 1. 2-я паг. С. 3); «Писемский, Толстой, Достоевский, Тургенев, – все это люди отжившей литературной школы» (Дело. 1868. № 12. 3-я паг. С. 27); «мы хороним богатырей идеи 40-х годов не потому, что умер их талант, а потому, что жизнь стала на новый путь, на котором они не могут сделать нам ни одного полезного прогрессивного указания» (Дело. 1870. № 4. 3-я паг. С. 29). Это ключевые суждения для понимания специфики оценки творчества Толстого изданием, предпринимавшим попытки теоретического обоснования новой теории агитационной литературы. Как справедливо заметила С.И. Коршунова, в «Деле» формировалась «оригинальная теория развития русского реализма, обусловленная идеологией разночинцев и определявшая историко-литературные взгляды сотрудников журнала, типологическую дифференциацию ими русской литературы, отношение критики издания к проблемам изображения народа в литературе» [2, с. 132].

С позиции тенденциозного искусства и новой эстетики издание встретило первые три тома «Войны и мира». Они появились в печат-

ти в декабре 1867 года. Не дожидаясь завершения романа, в апрельском номере «Дела» в разделе «Новые книги» была опубликована анонимная рецензия. Ее автор критиковал Толстого за отсутствие в романе «руководящей мысли и внутренней логики». «Все картины, – писал он, – не больше, как только верны действительности изображаемого предмета; мы не видим в них ничего цельного и определенного, в чем бы высказывалась главная, основная мысль или задача романа. <...> Все смешивается в общей массе, где не видишь ни причин, ни последствий появления и исчезновения героев и фактов... одна лишь бессодержательность, одни лишь достоинства батальной живописи» (Дело. 1868. № 4. 2-я паг. С. 158).

Подробный персонажный разбор «Войны и мира» на страницах «Дела» предложил В. В. Берви-Флеровский. Его статья «Изящный романист и его изящные критики» (1868. № 6) была прямым ответом П. В. Анненкову, положительно оценившему роман Толстого в «Вестнике Европы».

Негодование публициста «Дела» вызвало не столько само произведение Толстого, сколько многочисленные восторженные отзывы критиков, «раболопно преклонивших колена перед quasi-изящной жизнью и перед quasi-художественным описанием ее гр. Толстым» (Дело. 1868. № 6. 2-я паг. С. 2). Берви-Флеровский предлагает разобраться в характерах главных героев романа. К примеру, Болконский-старший третирует дочь, в течение всей своей жизни он «даже нечаянно не выказал человеческих чувств к своему родному детищу; напротив, постоянно и умышленно наносит ей самые грубые оскорбления». А между тем «изящный романист» старается уверить читателя, что «старый князь – одна из самых светлых личностей своего времени» (Дело. 1868. № 6. 2-я паг. С. 5). Берви-Флеровский не жалеет самых жестких определений, описывая князя Андрея, – «туп и ограничен», «тряпичный ум», «нравственно и умственно стоящий на одной ступени с дикарем первобытного человечества». Задели критика и рассуждения Андрея Болконского о «животном счастье» крестьянина. «При низком уровне своих интеллектуальных сил и при грязном взгляде на жизнь и людей, князь, конечно, не мог

понимать, что у мужика точно такие же чувства, как у всех людей, что он также, как все люди способен любить, чувствовать привязанность, горячо страдать страданиями своей семьи...; как все близорукие и умственно убогие люди, находящиеся в состоянии полудикого человека, князь воображал, что только он один с товарищами имел способность чувствовать нравственные потребности, а все другие – это были движущиеся машины» (Дело. 1868. № 6. 2-я паг. С. 8). Берви-Флеровский обвиняет героев Толстого в эгоизме и нежелании проникнуться общественными интересами. И в этом, по мысли критика, виноват автор, который «подобострастно преклоняется перед пошлым муравейником мелких интриганов». Публицист «Дела» отказывает Толстому и в художественном таланте: «Описание может быть совершенно верно, но оно не затронет ни одного чувства, и человек скажет, что это поучительно, как всякая истина, но скучно, и никогда не скажет про такое описание, что оно художественно. <...> Рассказ, который поселяет отвращение не к самому рассказанному, а к самому себе, точно также мало художествен, как рассказ о скуке, который сам скучен» (Дело. 1868. № 6. 2-я паг. С. 27).

Столь же категорична и общая оценка романа, перерастающая в обвинение писателю: «С какой бы точки мы ни посмотрели на стереотипные фигуры, выведенные гр. Толстым в его романе, – умственная окаменелость и нравственное безобразие этих фигур так и бьют в глаза. <...> В том виде, как роман написан, он представляет ряд возмутительно грязных сцен, которых смысл и значение явно не понимаются автором... На этих страницах видишь уже не героев, а умиление самого автора, восхищающегося людьми, которых вид заставляет содрогаться от ужаса и негодования. Поощренный своими изящными, но слабоумными критиками, автор явно воображает, что все, что выйдет из под его пера, должно возбуждать восторги и бесконечное удовольствие; поэтому он и не заботится ни о чем, кроме изящной отделки избранных им уроков. Весь роман составляет беспорядочную грудку наваленного материала. <...> Покусившись раздуться до грандиозных размеров Илиады, роман вдруг вырождается в тоненькую струйку обыденной жизни какого-нибудь семейства или в любовную

интригу, не характеризующую ни места, ни времени» (Дело. 1868. № 6. 2-я паг. С. 23, 24). Как позже заметил Б.М. Эйхенбаум, «никто не писал о романе Толстого так резко, так бесцеремонно, так самоуверенно и так несправедливо» [6, с. 11].

Резкая оценка произведения Толстого Берви-Флеровским была в какой-то степени созвучна со всей литературной политикой «Дела». Еще Е.А. Благодетель в статье «Старые романисты и новые чичиковы» озвучил основные задачи, которые стоят перед современной литературной критикой. Она обязана «зорко следить за всеми нравственными движениями автора и каждую минуту иметь готовый ответ на вопрос: кому и чему служит этот автор? куда клонятся его симпатии и антипатии? в чем заключается его значение для переживаемого нами времени?» (Дело. 1868. № 1. 2-я паг. С. 1). Прежний авторитет писателя, говорил Благодетель, может «обмануть», «ослепить» читателя, но критик не имеет морального права быть обманутым. Его первостепенная задача увидеть и разоблачить содержащуюся в произведении социально-вредную, опасную тенденцию. Этим разоблачением, собственно, и занимался Берви-Флеровский в статье «Изыданный романист и его изыданные критики».

Если Берви-Флеровский полемизировал с П.В. Анненковым, то его коллега, Н.В. Шелгунов, в статье «Двоедушие эстетического консерватизма» (1870. № 10) счел должным вступить в спор по поводу «Войны и мира» с еще одним представителем «эстетической критики» – Н.И. Соловьевым. Прежде всего, Шелгунов выступает против самих принципов «эстетического» подхода к анализу художественного произведения. Ограничиваться одним лишь разбором характеров, «семейных или родственных связей», словом, «представлять читателю автора в виде разжеванной телятины, посыпанной сахаром», современная литературная критика, заявил он, не имеет права. Искусство в первую очередь должно служить «прогрессу и просвещению». Следовательно, задача критики – «облегчить людям путь прогресса», «разъяснить читателю не талант автора, а показать, в каком направлении действует его талант и какому делу он служит» (Дело. 1870. № 10. 2-я паг. С. 52–53). Противопостав-

ляя «эстетическую» критику критике «реальной», Шелгунов акцентирует внимание на их главных отличительных признаках: «...Эстетическая критика исключает из искусства всякую тенденцию, потому что тенденция есть именно та нитка, которая связывает художественное изображение с потоком действительной жизни и привязывает каждую отдельную семью к той колеснице истории, которую направляет гений нового времени в необитаемые, по мнению эстетики, страны. Эстетическая критика говорит, что велик только тот писатель, который стоит спиной к неведомым странам, а, по мнению реальной критики, велик тот, кто бежит рядом с исторической колесницей» (Дело. 1870. № 10. 2-я паг. С. 69).

Всех писателей Шелгунов делит на две группы: одни – противостоят прогрессу, другие – направляют общество, указывая верный путь. Толстого, Гончарова, Тургенева он безоговорочно отнес к первому типу. «Талант, – заявляет критик, – вещь хорошая; но если он служит орудием, связывающим людей страхом, он – орудие безнравственное и антисоциальное» (Дело. 1870. № 10. 2-я паг. С. 53).

Несколькими номерами ранее Шелгунов уже обращался к анализу творчества Толстого. В обширной статье с говорящим названием «Философия застоя» (1870. № 1) в фокусе его внимания оказались идеи и взгляды Толстого в «Войне и мире». Философская концепция романа, считает критик, способна только затуманить сознание человека, завести в тупик. «Прочитайте «Войну и мир», – предлагает он, – вникните в глубь философии гр. Толстого, и вы почувствуете себя в положении человека, которого из полусветлой комнаты заперли в чулан. Если вы прежде знали мало, то по прочтении романа гр. Толстого вы ощутите в голове такую смутность понятий, что у вас опустятся руки, и последняя почва исчезнет из-под ваших ног» (Дело. 1870. № 1. 2-я паг. С. 3). В этом тупике оказался и сам писатель, став жертвой собственных заблуждений.

Шелгунов прослеживает в романе две параллельно идущие линии: историю индивидуального развития Пьера Безухова, «нашедшего, наконец, откровение и правду жизни», и события Отечественной войны 1812 года – «исторический момент коллективного движе-

ния человечества, руководимого перстом Провидения».

Перерождение Пьера происходит под влиянием «нравственно-спасительной силы» простого крестьянина, Платона Каратаева. Критик недоумевает, как Толстой, идеализируя Каратаева, его «непосредственное чувство жизни», не понимает, что «выдает за конечный результат то, в основе чего заключается исключительно некультивированная, сырая сила человека, практически развившегося в первобытном быту» (Дело. 1870. № 1. 2-я паг. С. 9). Шелгунова волновал не столько сам Каратаев, сколько его «магическое» влияние на человека «западного воспитания» – Пьера Безухова. «Нужно принять меры против этого одуряющего влияния, – писал публицист, – иначе такая философия может испортить многих людей» (Дело. 1870. №1. 2-я паг. С. 9).

Неприемлемы для Шелгунова и, проявившиеся в эпопее, фаталистические воззрения писателя. Философией «коллективного фатализма» Толстой объясняет все исторические события, показывая «ничтожество единичной воли в коллективных действиях людей». Неслучайно для своего повествования он выбрал именно Отечественную войну 1812 года. «...Если будет доказано, что люди – бессмысленные муравьи в грандиозных положениях, подобных бранной эпохе Наполеона, то уж, конечно, во всех остальных случаях они не заслуживают сравнения даже с тлей» (Дело. 1870. №1. 2-я паг. С. 3). При этом Толстой, по мнению критика, сам изобличил несостоятельность своей философии. Иначе и быть не могло, поскольку его «безропотная и умиротворяющая» философия есть «философия безнадежного, безвыходного отчаяния и упадка сил... философия застоя, убийственной несправедливости, притеснений и эксплуатации» (Дело. 1870. № 1. 2-я паг. С. 14).

Вместе с этим Шелгунов признает, что был бы не вполне справедлив по отношению к автору «Войны и мира», если бы не отметил «демократическую струйку», которая едва угадывается в романе. «По-видимому, – предполагает он, – гр. Толстой проводит идею народности в графе Пьере, которого очистили и обновили не великосветские салоны, не богатство, не связи с знатными и великими, а Каратаев и общество солдат, в которых Пьер увидел

впервые человеческую простоту, увидел первых людей дела» (Дело. 1870. № 1. 2-я паг. С. 17). Этой «струйке народности» публицист не может не сочувствовать.

С сочувствием Шелгунов воспринял размышления Толстого об определяющей роли народа в истории. «...Перед вами действительно возникает какая-то несокрушимая стена величественной стихийной силы, пред которой отдельные попытки людей, воображающих себя руководителями человеческих судеб, являются жалким ничтожеством» (Дело. 1870. № 1. 2-я паг. С. 27).

Примечательно, что, начата в самом резком тоне, статья завершается оговорками и сомнениями: «В «Войне и мире» напутано столько верного с неверным, рядом с заблуждениями столько правильных мыслей; злобность прикрыта иногда такою кажущейся искренностью и теплотой, что неопытный читатель под розовыми листьями рассмотрит не скоро сумбур славянофильства и тяготение к Востоку, замаскированное стремлением раскрыть истину <...>. В сущности же это славянофильский роман, в котором замешаны правда с ложью, наука с невежеством, благо со злом, прогресс с отсталостью» (Дело. 1870. № 1. 2-я паг. С. 29). Обращают на себя внимание некоторые методологические установки литературной критики Шелгунова. Зачастую он характеризует литературных героев отдельно, с чисто утилитарных позиций, вне зависимости от системы образов. Согласимся с В.И. Кулешовым, проблема типизации полностью выпадает из критики сотрудника «Дела» [3, с. 325]. Как отмечал П. А. Николаев, сложность и противоречивость шелгуновской теории типизации не позволила ему по достоинству оценить творчество крупнейших литераторов [4, с. 145].

Критику философской концепции «Войны и мира» Шелгунов продолжил в статье «Теперешний интеллигент» (1875. №10). Пытаясь по-своему объяснить мировые судьбы человечества, писатель, с точки зрения публициста, «попирает прогресс, силу нравственного таланта, самостоятельность мышления». «С русской скромностью, – продолжает он, – Толстой говорит, что не считает себя большим человеком! Но как же маленькому человеку решать судьбы мира и провозглашать себя историком-

философом, воспитателем народа?» (Дело. 1875. № 10. 2-я паг. С. 88). «Народник, тяготеющий к простоте и неиспорченности, к непосредственному и к лону природы, дает в то же время пленительные образы пошлых великовещетских типов, ненужного блеска, чванства, блонд, кружев и обнаженных плеч с их «холодною мраморностью»... Ничего не разберешь в этой каше!», – заключает сотрудник «Дела» (Дело. 1875. № 10. 2-я паг. С. 88).

Шелгуновские выступления стали еще одним эпизодом противостояния западников и славянофилов. Роман был безоговорочно отнесен редакцией к славянофильским произведениям, и его публикация послужила очередным поводом для обострения этой полемики.

Идеализацию простого народа, встречающуюся в «Войне и мире», сотрудники «Дела» считали «одной из опаснейших иллюзий». Причем эту иллюзию питали не только представители славянофильства, но и целый ряд молодых писателей-народников. В обществе, по мнению публицистов «Дела», существуют два полярных взгляда на «нецивилизованную толпу». По мнению одних, народ настолько груб и невежествен, что призывать его к активной деятельности еще слишком преждевременно. Другие, напротив, в простом народе видят некий идеал, в котором «таятся зародыши всего славного и великого». П.Н. Ткачев в статье «Разбитые иллюзии» (1868. № 12) отвергает оба взгляда. «Один, – пишет он, – приписывает народу такие идеальные свойства, которых он на самом деле не имеет; другой, хотя и не идеализирует массу, но идеализирует те условия жизни, в которые она поставлена». В конечном итоге «обе эти иллюзии приводят к одному и тому же результату: к пассивной бездеятельности, к успокоительному убеждению, что ничего не нужно делать, пока все не сделается само собой» (Дело. 1868. № 12. 2-я паг. С. 4.). Задача же современного публициста и литератора, как неоднократно заявлял журнал, состоит в «активном служении общественному прогрессу».

На страницах журнала весьма плодотворно формировалась концепция «новой» литературы, в основе которой лежало понятие «тенденциозности». Писатель, по убеждению публицистов «Дела», прежде всего должен

определить свою принадлежность к какому-либо направлению. Именно «направление» связывает художественное изображение жизни с потоком действительной жизни (Дело. 1870. № 10. 2-я паг. С. 69). «Сказать: «у меня нет направления», – писал Шелгунов, – значит сказать: «у меня нет своего образа мыслей, нет твердого убеждения, нет определенного мировоззрения», одним словом, сказать о себе публично: «господа, я глуп» (Дело. 1871. № 4. 3-я паг. С. 6). Развивая в журнале оригинальную теорию русского реализма, Шелгунов в статье «Народный реализм в литературе» (1871. № 5) представляет будущее литературы как синтез двух «форм мышления» различных социальных сред, двух творческих методов – «народного» и «головного» (или «психологического»). По Шелгунову, текущий исторический момент наглядно демонстрирует исчерпанность как «психологического» метода объяснения жизни, представленного в дворянской литературе, так и «народного». «Смерть Решетникова оставляет вопрос о народном реализме открытым и едва намеченным. Выяснить его <...>, указать его руководящее значение и найти точку примирения с идеальным головным реализмом, идущим от Рудина через Базарова, – вот задача будущих народных писателей» (Дело. 1871. № 5. 2-я паг. С. 45). Для Шелгунова «головной» реализм – это, прежде всего, воплощение некоего идеала, вселяющего веру в будущее. На необходимость сочетания в любом произведении «идеала» и объективной действительности обращал внимание и Ткачев в статье «Подрастающие силы» (1868. № 10): «Каждое серьезное беллетристическое произведение имеет или, по крайней мере, должно иметь две стороны. С одной стороны, беллетрист старается воспроизвести по возможности ближе к действительности, те типы и характеры, которые выработались и развились под влиянием данных условий современной жизни. <...> С другой стороны, его задача указать на требования, которые он предъявляет, он должен также определить и то, каким образом может и должна жизнь удовлетворять этим требованиям. Вот это-то и составляет тенденциозную, дидактическую сторону каждого живого беллетристического произведения» (Дело. 1868. № 10. 2-я паг. С. 22).

Именно Ткачев занимался в «Деле» теоретической разработкой вопроса о «тенденциозности» и идейности литературы. В частности, в статье «Тенденциозный роман» (1873. № 2, 6) он говорит об основных слагаемых таланта современного беллетриста. Это, прежде всего, «психологическая верность воспроизведения характера; его современный, общественный интерес; и, наконец, отношение к нему автора» (Дело. 1873. № 2. 3-я паг. С. 11). Будучи идеологом журнала, Ткачев никогда не рассматривал литературу лишь как изящную словесность. Для него, в первую очередь, имело значение количество и качество того умственного влияния, которое оказывало произведение на общество, а не отвлеченные шаблоны художественности [1, с. 66].

«Война и мир» Толстого не могла удовлетворить идеологическим запросам публицистов «Дела». Как бы «рельефно», «психологически верно» автор ни изобразил характеры и явления жизни, если он не способен правильно их понять и оценить, его картины утрачивают всякую жизненность. Таким образом, «правдивость» изображаемого беллетристом характера, сотрудниками журнала напрямую связывается с правильностью тенденции. «Тенденция автора, – замечает Ткачев в статье «Тенденциозный роман», – независимо от всех других достоинств или недостатков романа, – служит той живой, наглядной нитью, которая связывает беллетристическое произведение с факторами общественной жизни; она определяет его социальное значение в литературе, характер и мирозерцание среды, породившей его. Если автор хорошо понял и усвоил основные взгляды этой среды и с выдержанной последовательностью провел их в своих произведениях, то реальная критика признает за этими произведениями важное значение, <...> она предпочтет их всякому другому произведению, изобилующему всевозможными художественными и психологическими красотами, но не имеющему никакого прямого отношения к условиям данной общественной жизни» (Дело. 1873. № 2. 3-я паг. С. 22). При этом Ткачев делает важную оговорку: «Преобладание в романе тенденции оказывает почти такое же вредное действие на «правдивость» характеров, как и чрезмер-

ное преобладание фантазии» (Дело. 1873. № 2. 3-я паг. С. 23).

По убеждению Ткачева, только грамотно проведенная тенденция, может повлиять на мировоззрение аудитории. Писатель должен уметь мастерски работать с характерами, чтобы читатель «невольно и незаметно для себя проникся желаемым убеждением, не подозревая даже, что хитрый автор поймал его на удочку» (Дело. 1872. № 10. 2-я паг. С. 5). Но, чтобы добиться такого эффекта, нужно, «по меньшей мере, быть весьма даровитым художником». «Тенденциозность, – заявляет Ткачев в «Литературных этюдах» (1872. № 10), – не только не противоречит художественности, но, напротив, она не мыслима без нее» (Дело. 1872. № 10. 2-я паг. С. 5). Наиболее совершенным, с его точки зрения, будет талант, в котором все эти моменты «развиты более или менее с одинаковой силой и равномерностью». По определению В. В. Тихомирова, концепция тенденциозности, развиваемая на страницах «Дела», была ничем иным, как «профанацией» искусства, где критики «не скрывали своих целей».

В «Критическом фельетоне» (1875. № 5) Ткачев анализирует «Войну и мир» как раз с точки зрения проводимых автором тенденций. Современная критика, говорит он, находясь «в слепом восхищении от романа», упустила из виду то, без чего все великие достоинства литературного произведения не имеют ни малейшего значения, а именно – его основную идею. А между тем она заслуживает особо пристального внимания: «В русской литературе едва ли отыщется другой роман, который был бы проникнут такой шаткой и, скажу прямо, растленной моралью, какая проводится автором в «вековечной» эпопее. <...> В шести томах романа гр. Толстой с настойчивой развязностью старается доказать, что так называемая гражданская деятельность, так называемые политические стремления, предпринимаемые во имя принципа цивилизации, в сущности представляют призрачный вздор; их проявления в действительности и их направление зависят вовсе не от усилий отдельных личностей, влияющих на массы, а от случайных, чисто стихийных причин. Исходя из этой мысли, – продолжает Ткачев, – гр. Толстой желает вывести и, действительно, наглядно

выводит в «Войне и мире» такое заключение: цель жизни и значение жизни каждого человека должны заключаться... в узком эгоистическом услаждении себя половыми отношениями и в их венце – семейном счастье» (Дело. 1875. № 5. 2-я паг. С. 24). Ради этой идеи, убежден критик, Толстой развенчивает исторических деятелей, «принижает личности и характеры, проникнутые высшими стремлениями».

Чрезвычайно резки и субъективны ткачевские характеристики героев романа. Андрей Болконский, имеющий, по мнению публициста, все задатки так называемых «протестующих стремлений», «проводится автором сквозь различные впечатления непосредственной простоты жизни и просветляется, наконец, смертью, постигнув тщету всяких стремлений к руководительству жизненным движением» (Дело. 1875. № 5. 2-я паг. С. 25). Пьер Безухов, олицетворяющий интеллигентного русского человека, «ищущего стезю добра и правды», приходит к «философии бараньего смирения». Другие действующие лица также отличаются «безответным смирением, удовлетворением единственно инстинктов растительной жизни». Таков Николай Ростов, «прекраснейший, добродетельнейший муж, чудесный хозяин и помещик, всяких достоинств которого не помрачает даже склонность к разбиванию своего перстня о скулы мужиков». Таков «знаменитый солдатик-мудрец» Платон Каратаев, представляющий, по определению

Ткачева, «сентиментальную клевету на русский народный тип» (Дело. 1875. № 5. 2-я паг. С. 26). Таким образом, не приемля толстовской философии, считая ее социально опасной, Ткачев еще раз в достаточно резкой форме выразил общий взгляд редакции «Дела» на роман-эпопею.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коновалов, В. Н. Литературная критика народничества / В.Н. Коновалов. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1978. – 116 с.
2. Коршунова, С. И. Концепция народного писателя нового типа в критике журнала «Дело» (К вопросу о развитии теории реализма в русской критике 1870-х годов) / С. И. Коршунова // Вопросы русской литературы. Вып. 1 (39). – Львов, 1982. – С. 126–135.
3. Кулешов, В. И. История русской критики XVIII – XIX в. / В.И. Кулешов. – М.: Просвещение, 1972. – 526 с.
4. Николаев, П. А. Реализм как творческий метод (Историко-теоретические очерки) / П.А. Николаев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. – 278 с.
5. Смирнов, В. Б. Н. А. Некрасов в оценке журнала «Дело» / В.Б. Смирнов // Н. А. Некрасов и его время: межвуз. сб. Вып. 1. – Калининград : Калининград. гос. ун-т, 1975. – С. 122-126.
6. Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой. Семидесятилетие / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 295 с.

RECEPTION AND INTERPRETATION OF ROMANIC CREATIVITY OF L.N. TOLSTOY IN THE JOURNAL “DELO”

Olesya Aleksandrovna Kozlova

Docent of the Department of Journalism and Media Communications,
Candidate of Philology (PhD),
Volgograd State University
stilvolsu@mail.ru, olesya-kozlova@mail.ru
400062, Volgograd, University Avenue, 100

Viktor Ivanovich Vinkov

Senior Lecturer of the Department of Journalism and Media Communications,
Volgograd State University
stilvolsu@mail.ru, media@volsu.ru
400062, Volgograd, University Avenue, 100

Abstract. The article analyzes the evaluation of novelistic creativity of L.N. Tolstoy by the journal “Delo”. The literary and aesthetic position of the publication was determined, on the one hand, by editorial views on the aims and tasks of literature in the contemporary cultural context, on the other, a concrete, highly dynamic, socio-political situation in Russia that corrects the writer’s works. The focus of attention of critics and journalists of the journal turned out to be universal and general cultural values, conducted in the novels of Tolstoy, his philosophical reflections.

Key words: L.N. Tolstoy, “Delo” magazine, journalism, literary criticism, tendentiousness of literature.